A 238/233

238.
233

ЦАРСКАЯ КОРОНАЦІЯ.

ИСТОРІЯ КОРОНОВАНІЯ ГОСУДАРЕЙ

у Египтянъ, Индѣйцевъ, Персовъ, Китайцевъ, Турокъ, Евреевъ, Грековъ, Римлянъ. Русскихъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ. У Русскихъ начиная съ Владиміра Св. до нынѣ благополучно царствующаго ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III-го.

ИЗДАНІЕ

Д. Т. Кувиченкова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Братьевъ Марковыхъ. Большая Итальянская, домъ № 5.
1882.

Ф 1-79 / 13158

ЦАРСКАЯ КОРОНАЦІЯ.

ИСТОРІЯ КОРОНОВАНІЯ ГОСУДАРЕЙ

у Египтянъ, Индѣйцевъ, Персовъ, Китайцевъ, Турокъ, Евреевъ, Грековъ, Римлянъ, Русскихъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ. У Русскихъ начиная съ Владиміра Св. до нынѣ благополучно царствующаго ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III-го.

ИЗДАНІЕ

Д. Т. Кувиченкова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Братьевъ Марковыхъ. Большая Итальянская, домъ № 5.
1882.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19-го Августа 1882 года.

Царская Коронація.

Русскій народъ, испоконъ вѣковъ преданный престолу и отечеству, ждетъ недождется того священнаго и торжественнаго для него дня, въ который его ЦАРЬ батюшка возложитъ на главу Свою священный вѣнецъ Своихъ предковъ. Приготовленія къ великому торжеству въ честь священнаго коронованія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III-го и теперь уже составляютъ предметъ общаго вниманія русскаго народа. Приготовленія къ предстоящему торжеству идутъ не только въ обѣихъ столицахъ, но и по всѣмъ другимъ городамъ и даже во многихъ селахъ и деревушкахъ, отъ которыхъ будутъ назначены особыя депутаціи въ Москву, какъ скоро день коронаціи будетъ объявленъ оффиціально Городскія думы, дворянскія и земскія собранія и прочія общественныя учрежденія выработываютъ свои постановленія относительно чествованія коронаціи, при чемъ многія желаютъ руководствоваться примѣрами прошлаго. Въ виду всего вышеизложеннаго, мы постараемся вкратцѣ изложить историческій очеркъ коронованія у разныхъ народовъ, въ томъ числѣ и у насъ, съ древнѣйшихъ временъ. При составленіи настоящаго очерка мы пользовались «Исторіей Государства Россійскаго»—Карамзина, «сочиненіемъ Катаева—«священное вѣнчаніе и помазаніе царей на царство.» «Отечественными Записками» *за 1827 годъ* и т. д.

I.

Еще съ самыхъ древнихъ временъ ведется обрядъ коронованія, который уразумѣли еще древніе жрецы языческіе, нашедшіе необходимымъ запечатлѣвать союзъ Царя съ народомъ болѣе или менѣе удачно придуманными тайнодѣйствіями и мистическими символами. Тайнодѣйствіями своего рода сопровождалось избраніе древнихъ царей египетскихъ. До сихъ поръ сохранился на стѣнахъ Дворцоваго храма Рамзеса III-го, въ Фивахъ, цѣлый рядъ барельефовъ, изображающихъ вѣнчаніе этого фараона въ различныхъ видахъ. Въ барельефѣ, расположенномъ на сѣверовосточной сторонѣ внутренней арки храма, видѣнъ Рамзесъ, возсѣдающимъ подъ балдахиномъ на великолѣпномъ престолѣ, украшенномъ, съ одной стороны, фигурами льва и сфинкса, посреди которыхъ находится соколъ, какъ эмблема Царскаго величества,—съ другой, символами истины и правосудія. Въ правомъ ряду группы, несущей особу монарха къ мѣсту совершенія обряда, выступаютъ шесть чиновъ воинской касты, со скипетромъ и прочими знаками царскаго отличія; а въ лѣвомъ видѣнъ жрецъ, читающій свитокъ, который держитъ у себя въ рукахъ; позади же всѣхъ идетъ іерофантъ. Онъ, обращаясь вокругъ балдахина, воскуряетъ передъ монархомъ фиміамъ; между тѣмъ—какъ хоръ музыкантовъ, за нимъ слѣдующій, играетъ на трубахъ, бубнахъ, флейтахъ и другихъ подобныхъ инструментахъ, подъ звуки хора пѣвчихъ.—Въ другомъ барельефѣ, фараонъ, сойдя съ престола, самъ, въ качествѣ жреца, приноситъ жертву египетскому божеству (Апису) и, снявъ шлемъ съ головы своей, совершаетъ возліяніе на алтарь, усыпанный цвѣтами и другими жерт-

венными принадлежностями. Въ тоже время одинъ изъ жрецовъ обходитъ съ фиміамомъ вокругъ божества, а другой, позади всѣхъ священноносцевъ (іерофоровъ), держащихъ знамена, священныя изображенія, статую предка царева и другія эмблемы, бьетъ въ ладони, изъявляя, быть можетъ, такимъ знакомъ радость народа о низведеніи священнодѣйствующимъ монархомъ на себя благоволенія боговъ. Вдали отъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ и зрителей обряда стоитъ уединенно царица, и передъ нею одинъ служитель алтаря читаетъ разогнутый свитокъ.—Это, по всей вѣроятности, составляло вторую часть обряда, которая совершалась уже въ самомъ храмѣ.

Въ третьемъ барельефѣ два божества (Абтаутъ и Гатъ) попеременно изливаютъ на главу фароана эмблемы жизни и власти; а въ четвертомъ — нѣсколько другихъ божествъ приводятъ его передъ лицо бога — покровителя (патрона) всѣхъ бого храма. Послѣднимъ и, безсомненія, важнѣйшимъ въ вѣнчаніи фароона, было дѣйствіе жреца, изливающаго на него елей въ присутствіи разныхъ божествъ (Тота, Горхата, Омбте или Нила),—дѣйствіе, по замѣчанію Вилькинсона, происходившее послѣ того, какъ фараонъ былъ уже совсѣмъ облеченъ въ царскую одежду и вѣнчанъ короною.

Обратимся ли къ другому древнѣйшему народу міра—Индѣйцамъ, то и тамъ (у Катеровъ и Энгалезцевъ) царскій наслѣдникъ не прежде восходилъ на престолъ своего царскаго предшественника, какъ уже принявъ посвященіе въ права царства отъ браминовъ. Для этого ему нужно было, по древнему обычаю, раза три, а иногда и семь, пройти во кругъ священнаго огня, или сосуда, наполненнаго священною водою,—при чемъ главный жрецъ обыкновенно посыпалъ на голову его жареннымъ рисомъ; и тѣмъ оканчивался весь обрядъ, по видимому очень про-

стой, но тѣмѣ не менѣе таинственный и знаменательный.

Обряды при коронованіи у Персовъ. Нѣчто болѣе примѣчательное представляютъ древніе обряды Персовъ, о которыхъ Плутархъ говоритъ: «вскорѣ послѣ кончины Дарія, преемникъ этого государя, Артаксерксъ, отправился въ Пасаргаду, чтобы тамъ принять посвященіе отъ жрецовъ въ царское достоинство». Въ Пасаргадѣ есть храмъ воинской богини, соотвѣтствующей Минервѣ. При входѣ въ этотъ храмъ, посвящаемый долженъ былъ снять съ себя обыкновенную одежду, а вмѣсто ея надѣть ту, которую носилъ Киръ, когда былъ еще частнымъ человѣкомъ, и съѣсть нѣсколько смоквъ, принять нѣсколько терпентиннаго масла и выпить чашу кислаго молока.

Позднѣйшіе писатели увѣряютъ при томъ, что персидскіе цари во время своего посвященія входили во внутрь алтаря храма, читали таинственныя книги (arcanoslibros), обмывались священною водою, облекались въ двѣнадцать ризъ, поверхъ ихъ накидывали разукрашенную мантію самой богини храма, возлагали насвою главу родъ тіары съ діадемою и, наконецъ, самое имя перемѣняли на имя одного изъ своихъ царственныхъ предшественниковъ.

Тѣже попытки къ освященію царской власти видны и у Грековъ, изъ которыхъ Сикіоняне торжественно украшали діадемою и золотою короною Врасида, царя Лакедемонскаго, и Аѳиняне—Антигона и Дмитрія.

У Римлянъ видны тѣже попытки въ обрядахъ, которые на ихъ языкѣ назывались инавгураціями, которыя надъ царями совершали авгуры, а надъ Императорами—первосвященники. Титъ Ливій пишетъ, что при одной изъ такихъ инавгурацій, верховный изъ авгуровъ, взявъ въ лѣвую руку масть,

а правую возложивъ на главу Нумы, между прочимъ, произнесъ слѣдующую молитву: «Отче Юпитеръ! Благоволи, да сей Нума Помпилій, котораго главу держу я, будетъ царемъ Рима, и да явишь ты намъ извѣстныя знаменія воли своей о семъ, въ предѣлахъ, которые установилъ». Далѣе, изъ исторіи Рима извѣстно, что во время коронованія Императора облекали въ порфиру, возлагали на него Императорскій вѣнецъ, а воины поднимали его на щитѣ съ громомъ рукоплесканій.

У китайцевъ новый богдыханъ, нарочно сочиняемою молитвой или рѣчью, благоговѣйно объявляетъ духамъ неба и земли, передъ жертвенникомъ (Небу) о вступленіи своемъ на престолъ.

У турокъ, при воцареніи султана, муэззины возносятъ вѣчному гимнъ—Салу съ минаретовъ четырехъ главныхъ мечетей Константинополя, а великій муфтій читаетъ молитвы о благоденствіи новаго монарха, который въ это время препоясывается саблею въ мечети Махмуда II-го. Въ это время за стѣнами мечети закалается до пятидесяти овновъ въ жертву.

II.

Въ замѣнъ языческихъ произвольныхъ тайнодѣйствій, у Евреевъ является истинно-священное таинство со всею Божественною силой.

У Евреевъ, со временъ Саула, было два рода помазанія царей на царство: одно частное, другое торжественное. Первое обыкновенно предшествовало второму и служило ему какъ бы опорою. Не говоря уже о Саулѣ, частно помазанъ былъ Давидъ въ домѣ отца своего, частно Соломонъ, частно Іиуй. Частное помазаніе всегда совершалось тайно: то въ безлюдномъ полѣ (Саулъ), то въ кругу только родныхъ

избранника Божія (Давидъ), то, въ случаѣ нужды, только при нѣсколькихъ свидѣтеляхъ—за стѣнами города (Соломонъ), то въ клѣти, или самой внутренней комнатѣ дома (Іиуй). Совершителями частнаго помазанія обыкновенно были пророки, одинъ разъ только первосвященникъ, но и то въ присутствіи пророка. Самый способъ тайнодѣйствія разнообразился только въ частностяхъ: иногда елей возливался на главу помазанника изъ рога (Давида и Соломона), иногда изъ сосуда (Саула и Іиуя).

Не таково было помазаніе торжественное, соединявшееся съ вѣнчаніемъ.

Самая эта торжественность дѣлала необходимымъ совершать его на мѣстахъ общественныхъ собраній, ознаменованныхъ какимъ нибудь присутствіемъ Божіимъ. Таковы были, напримѣръ, Галгалы, Хевронъ, а впослѣдствіи храмъ Іерусалимскій. Въ Галгалахъ стояла нѣкогда скинія съ ковчегомъ завѣта. Въ Хевронѣ, кромѣ того, что тамъ покоились священные для евреевъ останки Авраама, Исаака, Іакова и ихъ супругъ, — находился жертвенникъ. Галгалы были избраны мѣстомъ вѣнчанія Саула, Хевронъ—Давида, а въ храмѣ Іерусалимскомъ происходило вѣнчаніе Іоаса. Только одинъ Соломонъ былъ помазанъ при источникѣ Гіонѣ, ничѣмъ непримѣчательномъ въ религіозномъ отношеніи; но, какъ увѣряютъ раввины, на то имѣлъ особенныя причины отецъ Соломона. «Давиду желательно было пишетъ Соломонъ Ярхи, въ своемъ толкованіи на это мѣсто, чтобы царствованіе сына его, затрудненное въ началѣ неблагопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, свободно протекало потомъ, какъ рѣка». Другой ученый объясняетъ это такимъ образомъ, что, по намѣренію Давида, видъ колеблющихся водъ Гіона долженъ былъ напомнить превознесенному непостоянство и скоротечность земнаго величія.

Вотъ описаніе самаго обряда коронованія: Предъ лицомъ Бога, въ присутствіи священниковъ, левитовъ, воинскихъ и гражданскихъ чиновъ, старѣйшинъ Израиля, царскихъ тѣлохранителей, стоначальниковъ, тысяченачальниковъ и стражей, приставленныхъ надъ имѣніеми и надъ всѣмъ стяжаніемъ царскимъ, сыновъ царскихъ съ эвнухами, сильныхъ и храбрыхъ войскъ въ Іерусалимѣ, — возлагался на избранника Божія вѣнецъ, или діадема. Правда, о возложеніи вѣнца говорится только при описаніи обряда, совершеннаго надъ Іоасомъ, но и на Саулѣ, въ битвѣ Гельвуйской былъ вѣнецъ; о Давидѣ тоже извѣстно, что онъ въ числѣ добычи, пріобрѣтенной имъ въ войнѣ съ Аммонитянами, получилъ корону, которая снята была съ царя Аммонитскаго, и надѣлъ ее на на себя,—«чего, конечно, не сдѣлалъ бы,—думаетъ одинъ изслѣдователь еврейскихъ древностей,—если бы носить корону небыло у Евреевъ обычаемъ». Хотя ни въ книгахъ Царствъ, ни въ Паралипоменонъ, прямо и неговорится, чтобы къ этой послѣдней принадлежности царскаго величія присоединялись въ тоже время—порфира и скипетръ,—но это, кажется, должно быть подразумѣваемо само собою уже на томъ одномъ основаніи, что оба эти украшенія употреблялись царями Еврейскими въ другихъ торжественныхъ случаяхъ, хотя въ иномъ родѣ. Такъ напримѣръ, когда Господь вдохнулъ Давиду благочестивую мысль перенести ковчегъ завѣта изъ Каріаѳіарима въ Іерусалимъ, то царь, во время этого перенесенія, «одѣянъ бяше ризою виссонною; и бѣ на немъ эфудъ виссонный».

Облеченный въ порфиру, вѣнчанный короною, украшенный скипетромъ царь приступалъ наконецъ къ помазанію. Помазывалась обыкновенно глава, но какъ именно, о томъ писаніе умалчиваетъ. Если вѣрить раввинамъ, то, по сказанію большей ихъ

части, цари Еврейскіе изъ рода Давидова помазывались на темени, въ видѣ короны; а по словамъ знаменитаго Николая де-Лиры, который изъ раввиновъ обратился въ христіанство, всѣ безъ исключенія цари помазывались на челѣ, въ видѣ круга (О), для отличія отъ помазанія первосвященническаго, которое имѣло фигуру греческой буквы Т.

По окончаніи помазанія раздавался торжественный звукъ трубы и другихъ музыкальныхъ орудій. Нельзя сказать утвердительно, какія именно были эти орудія, но извѣстно только, что вся музыка Евреевъ состояла въ игрѣ на трубахъ, гусляхъ, органѣ, кимвалахъ, тимпанахъ и киѳарахъ, такъ какъ о каждомъ изъ этихъ инструментовъ упоминается въ св. писаніи при разныхъ случаяхъ, а особенно же въ томъ мѣстѣ, гдѣ описывается перенесеніе ковчега изъ Каріаѳіарима въ Іерусалимъ; — здѣсь упоминаются почти что всѣ названныя музыкальныя орудія.

Съ громомъ священной музыки сливались голоса пѣвцовъ, по временамъ заглушаемые рукоплесканіями народа, который, по знаку трубному, восклицалъ: «да живетѣ царь — Давидъ!», если вѣнчаніе было надъ Давидомъ, — Соломонъ! если надъ Соломономъ и т. д.

Музыка продолжалась; народъ падалъ на колѣни, привѣтствовалъ помазанника поклонами и, въ лицѣ первосвященника, давалъ ему цалованіе. Послѣ привѣтствія своихъ подданныхъ, царь, по обычаю, садился на престолъ, гдѣ первосвященникомъ вручался ему свитокъ закона. Это составляло, такъ сказать, безмолвное обязательство царя исполнять всякую правду, которая завѣщалась ему Богомъ и Моисеемъ во Второзаконіи относительно народа.

Есть основаніе думать, что сверхъ того царь и народъ давали другъ другу и гласное клятвенное

обязательство. Давидъ, сказано въ 3 книгѣ Царствъ, полагалъ завѣтъ въ Хевронѣ со старѣйшинами Израильскими предъ Господомъ. Что значитъ этотъ завѣтъ? То, отвѣчаетъ Іосифъ Флавій, что первосвященникъ, созвавъ народъ и воиновъ въ храмъ для миропомазанія Іоаса, привелъ ихъ ко взаимной присягѣ и заставилъ однихъ дать клятву въ вѣрности царю и въ готовности заботиться о драгоцѣнной его жизни и прочности царствованія, другаго—чтить Бога и не переступать завѣтовъ Моисеевыхъ.

Въ утвержденіе этого обязательства приносились жертвы Богу. У Евреевъ существовалъ постоянный обычай: при жертвоприношеніяхъ подобнаго рода, т. е. клятвенныхъ, проходить между разсѣченными частями жертвы. И при вѣнчаніи царей было тоже самое. По одну сторону разсѣченной жертвы проходилъ самъ царь, а по другую вельможи его, — или всѣ вообще, или только знатнѣйшіе,—левиты и выборные народные; первосвященникъ стоялъ по срединѣ, представляя въ своей особѣ лицо Іеговы—свидѣтеля обязательствъ. Этимъ и завершалось все таинодѣйствіе. Что было послѣ, то уже составляло болѣе гражданскую, чѣмъ церковную церемоніальность: сюда принадлежатъ дары, приносившіеся царю народомъ, вмѣстѣ съ поздравленіями, и пиръ, который давалъ царь на радость всѣмъ вѣрноподданнымъ.

Царское помазаніе продолжалось у Евреевъ и послѣ разрушенія перваго Іерусалимскаго храма. Это подтверждается слѣдующимъ преданіемъ раввиновъ: «въ намѣреніи избрать себѣ князя, всѣ начальники синагоги (ректоры), старѣйшины и судьи народные, какіе только находились въ разсѣяніи по разнымъ мѣстамъ, собирались въ Вавилонъ, и сходились въ однѣ обширныя палаты, устланныя вѣликолѣпными коврами. Тамъ садились они въ кресла, и совѣща-

лись о избраніи своей главы. Какъ скоро избраніе было рѣшено (большинствомъ голосовъ), начальникъ Суренской синагоги вставалъ съ своего сѣдалища, возводилъ новоизбраннаго на престолъ, стоявшій до того времени празднымъ посреди другихъ сѣдалищъ, на почетномъ мѣстѣ,—и начиналъ поучать его смиренію во власти и достойному прохожденію славнаго поприща. Послѣ поученія, все собраніе шло въ синагогу; здѣсь приносились Богу молитвы о благоденствіи князя, возлагались на него руки, «по древнему обычаю»,—и стѣны синагоги отгашались восклицаніями: «да живетъ царь во вѣки!» Потомъ начальники школъ съ трубнымъ концертомъ провожали князя домой, и тамъ давали ему на прощаніи нѣсколько наставленій, — какъ царствовать мудро и правосудно, умѣренно и великодушно. Въ тотъ же вечеръ каждый посылалъ новопоставленному дары отъ себя, по своему состоянію. Въ первую субботу самъ князь давалъ роскошное пиршество нетолько своимъ избирателямъ, но и мѣстнымъ языческимъ властямъ. Наканунѣ субботы ставилась для него въ синагогѣ каѳедра, а въ субботу утромъ приводили его сюда съ покрытымъ лицомъ.

Во время шествія, главный учитель закона и спутники князя пѣли поперемѣнно гимнъ о его спасеніи. По прибытіи въ синагогу, князь восходилъ на каѳедру, и все еще не снимая съ себя покрывала, разгибалъ поданный ему свитокъ Пятикнижія, и прочитывалъ изъ него нѣсколько избранныхъ мѣстъ. Послѣ него тоже самое дѣлали и оба начальника синагогъ—Суренской и Помпедитанской. Въ заключеніе князь говорилъ краткую правоучительную рѣчь къ народу, которая была продолжаема начальникомъ Суренской синагоги, и возносилось нѣсколько молитвъ къ престолу Божію съ той и другой стороны объ общемъ благополучіи».

Вотъ въ такомъ видѣ является коронованіе у Евреевъ. Помазаніе и коронованіе, охраняемое промысломъ съ такою попечительностью, не могло принадлежать къ числу тѣхъ обрядовъ, которые имѣютъ только временное назначеніе, а потомъ скоро утрачиваются, нѣтъ, — эти обряды должны были сохраниться, и дѣйствительно сохранились, и во всей цѣлости перейти въ христіанство.

Въ слѣдующей главѣ разсмотримъ коронованіе греческихъ Императоровъ.

III.

Намѣревающійся короноваться, на канунѣ торжества, входилъ съ князьями и другими членами своей фамиліи въ большой дворецъ, и тамъ проводилъ ночь. Съ разсвѣтомъ являлись во дворецъ придворные, вельможи, гвардія и выборные отъ всѣхъ народныхъ сословій. Около двухъ часовъ пополудни будущій Императоръ отправлялся въ храмъ Божій, обыкновенно храмъ св. Софіи. Здѣсь, по обычаю, издавна принятому, онъ подавалъ Патріарху собственноручное исповѣданіе вѣры въ такомъ видѣ: «*я (имя рекъ), вѣрный во Христѣ, Господѣ нашемъ, Царь и Императоръ Римскій, начерталъ сіе исповѣданіе собственною моею рукою:*» *Вѣрую во единаго Бога, Отца Вседержителя, Творца и т. д. Принимаю, исповѣдую и утверждаю Апостольскія и Божественныя преданія, также постановленія и опредѣленія Вселенскихъ соборовъ вмѣстѣ съ Помѣстными. Признаю всѣ права и обычаи святѣйшей великой церкви божіей. Соглашаюсь на все, что правильно, канонически и неизмѣнно узаконили и опредѣлили по разнымъ мѣстамъ св. отцы наши. Обѣщаюсь пребыть постоянно вѣрнымъ и неизмѣннымъ сыномъ*

св. Церкви, ея заступникомъ и покровителемъ, милостивымъ и человѣколюбивымъ къ своимъ подданнымъ, сколько мнѣ позволятъ то справедливость и приличіе. Обязуюсь воздерживаться отъ опалъ, казней и прочаго т. п. Буду поступать по правдѣ и истинѣ, и все, что отвергли и анаѳематствовали св. отцы, отвергаю и анаѳематствую съ своей стороны и я, отъ всей души и отъ всего сердца моего. Все сіе даю слово исполнить передъ святою соборною Церковію. Мѣсяца N, дня и индикта N, года N, вѣрный во Христѣ, Господѣ нашемъ, Императоръ Римскій N,— подписалъ собственноручно и передаю святѣйшему господину моему и вселенскому патріарху, господину N, и священному съ нимъ собору».

Первое основаніе этому «исповѣданію», или, лучше сказать, присягѣ, положилъ Анастасій IV-й въ 491 году.

Открывъ свое сердце предъ Богомъ и народомъ присягою, Императоръ входилъ въ такъ называемый триклиніумъ (особенный притворъ храма св. Софіи). Въ тоже время разбрасывались народу нѣсколько тысячъ эпикомбій, т. е. небольшихъ суконныхъ свертковъ, въ которыхъ положено было по три монеты золотыхъ, по три серебряныхъ и по три овола (жетоны). Въ триклиніумѣ отецъ Императора, если только былъ въ живыхъ, въ противномъ случаѣ патріархъ, или же первый по патріархѣ изъ чиновъ церковныхъ съ деспотами и севастократорами, а за отсутствіемъ ихъ, съ знатнѣйшими изъ вельможъ, сажали ЕГО ЦАРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО на щитъ и поднимали кверху, на показъ подданнымъ.

При видѣ поднятаго на щитѣ Императора, гвардія и народъ восклицали ему многолѣтіе,—съ чѣмъ очень часто соединялись выраженія необыкновенно витіеватыя и самыя разнообразныя.

Щитъ опускался, восклицанія усиливались; приближенные брали Императора подъ руки и вели въ самую внутренность церкви, а тамъ въ небольшой чертогъ, заранѣе для того устроенный въ одномъ изъ угловъ церкви. Здѣсь надѣвались на него порфира и діадема, предварительно освященныя благословеніемъ священнослужителей.

Начиналась божественная литургія. Императоръ въ порфирѣ и діадемѣ торжественно выступалъ, въ сопровожденіи всей царской фамиліи, изъ чертога, на особенный амвонъ, и садился на золотомъ престолѣ. Передъ пѣснью: «Святый Боже!» патріархъ вставалъ съ своего сѣдалища, и, приблизясь съ важнѣйшими изъ священнослужителей къ собственному патріаршескому амвону, посылалъ одного изъ нихъ пригласить къ себѣ Императора, для принятія благодати, а между тѣмъ самъ начиналъ читать молитвы къ миропомазанію, частью про себя, частью въ слухъ: «*Господи Боже, Царь царствующихъ и Господь господствующихъ черезъ пророка Самуила избравшій раба своего Давида, и помазавшій его въ цари надъ народомъ своимъ Израилемъ. Услышь и нынѣ молитву отъ насъ недостойныхъ, и призри отъ святаго жилища твоего на раба своего, благовѣрнаго Императора N, которому благоволилъ Ты воздвигнуть языку святому твоему, стяжанному Тобою, честною кровію единороднаго Сына своего. Сподоби помазать его елеемъ радованія; одѣнь его силою свыше, положи на главѣ его вѣнецъ отъ камене честна; подай ему долготу дней, вручи въ десницу его скипетръ спасенія; посади его на престолѣ правды; огради его всеоружіемъ Св. Духа твоего; укрѣпи мышцу его; покори ему всѣ варварскіе браннолюбивые языки; вѣдри въ сердце его страхъ твой и милосердіе къ подданнымъ; сохрани его въ непорочной вѣрѣ; покажи въ немъ вѣрнаго стража ученій святой твоей церкви каѳолической.*—

Да судитъ народъ твой въ правдѣ, и нищихъ твоихъ въ судѣ, да спасетъ сыновъ убогихъ, и содѣлается наслѣдникомъ твоего царствія. Яко твое есть царство, и сила, и слава, во вѣки вѣковъ»! Императоръ и всѣ предстоящіе преклоняли главы. Патріархъ продолжалъ: «*Тебѣ, единому Царю человѣковъ, тотъ, кому ввѣрено подъ Тобою земное царство, преклонилъ выю свою съ нами! Молимъ Тебя, Владыко всяческихъ! сохрани его подъ кровомъ своимъ, укрѣпи царство его, сподоби его творить всегда благоугодное Тебѣ: да возсіяетъ во днехъ его правда и множество мира, да въ тихости его мирное и безмолвное житіе по живемъ, во всякомъ благочестіи и чистотѣ; ибо Ты Царь міра и Спасъ душъ нашихъ, и Тебѣ славу возсылаемъ— Отцу, и Сыну и Св. Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь*».

Наступала минута самая торжественная. Императоръ благоговѣйно снималъ съ себя діадему. Патріархъ крестообразно помазывалъ главу его св. миромъ, и возглашалъ: «Святъ!» Священнослужители троекратно повторяли: «святъ, святъ, святъ» а за ними весь народъ столько же разъ восклицалъ— «святъ»!

Потомъ выносился изъ алтаря вѣнецъ. Патріархъ, взявъ его отъ діаконовъ, возлагалъ на главу помазанника и произносилъ: «достоинъ!» Священнослужители и народъ снова повторяли это слово. Едва умолкали возгласы «святъ и достоинъ», какъ патріархъ снова начиналъ читать надъ Императоромъ молитвы (какія—неизвѣстно) и подавалъ ему въ одну руку крестъ, въ другую скипетръ. Съ тѣмъ и другимъ Императоръ возвращался на прежнее свое мѣсто. Тогда протопсалмты, доместики хора (регенты придворной капеллы) и другіе церковные чины, съ жезлами въ рукахъ, на обоихъ клиросахъ, пѣли приноровленный къ сему случаю особенный гимнъ.

Во время пѣсни «Херувимской» къ Императору подходили два діакона и, взявъ его подъ руки, вели къ жертвеннику. Здѣсь онъ надѣвалъ на себя, поверхъ порфиры, золотошвейную ризу и открывалъ своею особою большой выходъ, имѣя въ правой рукѣ крестъ, а въ лѣвой золотой прутикъ. По обѣимъ сторонамъ его шли варанги съ алебардами и пажи, изъ которыхъ нѣкоторые вооруженные, нѣкоторые безоружные,—числомъ до ста. Позади слѣдовали діаконы и священники съ различными священными вещами и съ приготовленными для священнодѣйствія дарами. Обойдя кругомъ церкви и остановясь, по обыкновенію, передъ царскими дверями, во главѣ всего Священнаго собора, Императоръ отдѣлялся отъ него, подходилъ къ патріарху, который стоялъ въ самыхъ вратахъ, и оба они привѣтствовали другъ друга поклонами, одинъ изъ внутри алтаря, другой извнѣ. Императоръ отступалъ немного въ сторону. Первый въ ряду Священнослужителей діаконъ, на поворотѣ въ алтарь, кадилъ ему съ низкимъ поклономъ и возглашалъ: «*да помянетъ Господь Богъ державство царствія твоего въ царствѣ своемъ, всегда нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ*». За діакономъ дѣлали тоже самое и всѣ другіе священнослужители, участвовавшіе съ нимъ въ большомъ выходѣ.

Послѣ большаго выхода Императоръ давалъ снять съ себя рефендарію священную ризу; снова удалялся на свой престолъ, гдѣ и сидѣлъ до самаго «Причастна», вставая лишь во время пѣнія «Символа вѣры», «молитвы господней и возношенія даровъ». Но когда пѣли «причастенъ», Императоръ въ другой разъ, по приглашенію діакона, шелъ въ алтарь,— для пріобщенія св. таинъ. Званіе церковнаго депутата заставляло его взять у діакона кадило, и воскурить фиміамъ на четыре стороны престола и пе-

редъ патріархомъ, который отвѣчалъ ему такимъ же кажденіемъ. Когда наступало время пріобщаться св. таинъ, Императоръ снималъ съ себя корону и, передавъ ее діакону, вкушалъ, по примѣру священнослужителей, часть животворящаго тѣла, и пилъ изъ св. чаши живоносную кровь Спасителя. За тѣмъ по прежнему оставлялъ алтарь, садился на престолъ и, когда литургія оканчивалась, принявъ благословеніе у патріарха и прочихъ епископовъ,—съ цѣлованіемъ рукъ ихъ,—отходилъ на «мѣсто оглашенныхъ». Тамъ былъ родъ балдахина, уставленнаго престолами, по числу членовъ царской фамиліи, и покрытаго со всѣхъ сторонъ золочеными занавѣсями. Когда Императоръ и прочая царская фамилія входили сюда, занавѣси немедленно задергивались, а хоръ въ это время пѣлъ гимнъ, начинающійся такъ: «востеките, востеките и т. д.» Къ концу гимна занавѣси снова раздвигались, и народъ изъявлялъ своему Монарху радостныя привѣтствія. Иногда, въ заключеніе всего, преподавался Боговѣнчанному и превознесенному замѣчательный урокъ смиренія, заключающійся въ слѣдующемъ: къ Императору подходилъ человѣкъ съ сосудомъ, наполненнымъ прахомъ и мертвыми костями—въ одной рукѣ, а въ другой съ клокомъ льна, разсчесаннаго въ тончайшій волосъ. Ко льну подносилась зажженная свѣча, и онъ въ одно мгновеніе былъ пожираемъ пламенемъ. Такъ было въ одиннадцатомъ вѣкѣ (XI). Въ другія же времена, какъ напримѣръ въ VII-омъ вѣкѣ, къ Императору подходили двое монументщиковъ съ четырьмя или пятью разноцвѣтными кусками мрамора и, указывая на нихъ, спрашивали: «ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО! изъ котораго камня прикажите воздвигнуть Вамъ надгробный памятникъ?».

Наконецъ Императоръ выходилъ изъ храма, садился на коня и, имѣя на головѣ корону, медлен-

нымъ и торжественнымъ шагомъ отправлялся во дворецъ.

Изъ Греціи обряды священнаго вѣнчанія и коронованія перешли къ намъ.

IV.

Въ этой главѣ постараемся изложить исторію царскаго вѣнчанія въ нашемъ дорогомъ отечествѣ и постараемся это сдѣлать подробнѣе, нежели изложено коронованіе у другихъ народовъ, такъ какъ мы увѣрены, что никто не упрекнетъ насъ въ этомъ на томъ основаніи, что если уже русскій народъ интересуется исторіей другихъ государствъ, то тѣмъ болѣе—своего, за которое онъ всегда готовъ положить свою голову.

Было ли что нибудь подобное царскому вѣнчанію, напримѣръ при воцареніи Рюрика съ братьями, Олега, Игоря, Святослава,—неизвѣстно.

Но считаемъ не лишнимъ здѣсь упомянуть о слѣдующихъ того времени обычаяхъ Скандинавовъ и Славянъ—Каринтовъ.

У Скандинавовъ, по случаю избранія новаго конунга, происходилъ такъ называемый тингъ (сеймъ или сходка). Существенныя черты его (по одной Скандинавской легендѣ, переведенной на русскій языкъ г. Гротомъ, подъ названіемъ «Фритіофъ—Скандинавскій богатырь»), состояли въ томъ, что особыми вѣстовщиками созываемы были Скандинавы на равнину, на которой находился камень. Здѣсь, знатные и прославившіеся въ бою воины (ярлы) возводили наслѣдника престола на этотъ камень, надѣвали на голову его золотой вѣнецъ въ виду народа, поднимали его на щитѣ и громогласно восклицали: «вотъ вамъ, Норманны, вождь!» Конунгъ,

сойдя со щита и ставъ на камнѣ, давалъ обѣтъ народу во имя бога правды—водить рать въ битвы и хранить законъ въ судѣ. Народъ кричалъ: «такъ это нашъ конунгъ! Онъ какъ Рингъ дастъ намъ счастіе!» Тогда ярлы поздравляли властелина съ почестью царскою, и главнѣйшій изъ нихъ давалъ ему цѣлованіе.

У Славянъ—Каринтовъ провозглашеніе воеводы происходило также подлѣ камня (мраморнаго), на открытомъ лугу. Но на этомъ камнѣ предварительно помѣщался поселянинъ, имѣющій на то особое наслѣдственное право. Когда, черезъ нѣсколько времени, вдали показывался воевода, окруженный народными старшинами, простолюдинъ, завидѣвъ его издали, кричалъ въ высоты камня по Иллирійски: «кто это выступаетъ такъ гордо?» Окружающіе отвѣчали: «Земская власть подходитъ.» «Правосудный ли онъ судья?»—продолжалъ поселянинъ. «Добра ли желаетъ отчизнѣ?» «Благороднаго ли происхожденія?» «Достоинъ ли такого почета?» Собраніе восклицало: «есть и будетъ!»—«Спрашиваю, по какому праву онъ сгонитъ меня съ этого мѣста?» Одинъ изъ старшихъ воеводскихъ отвѣчалъ: «Оно покупается у тебя вотъ за эти 60 денаріевъ; платье, которое воевода снимаетъ съ своихъ плечъ, также будетъ принадлежать тебѣ, и со всѣмъ домомъ своимъ ты освобождаешься отнынѣ отъ всякой подати и повинности.» Съ послѣднимъ словомъ поселянинъ наказывалъ воеводѣ быть судьею справедливымъ, и самъ пособлялъ ему занять свое мѣсто. Тогда воевода извлекалъ изъ ноженъ свой мечъ, потрясалъ имъ на всѣ стороны, обращался съ рѣчью къ народу, и обѣщалъ ему въ себѣ судью правосуднаго. Говорятъ еще, что будто бы его заставляли пить воду изъ крестьянской шляпы въ знакъ будущей трезвости. Потомъ онъ отправлялся въ церковь св. Маріи, стоявшую на близле-

жащемъ холмѣ, гдѣ присутствовалъ при безкровной жертвѣ. Послѣ снималъ съ себя прежнее грубое платье, въ которомъ являлся на провозглашеніе, одѣвался въ воеводскую мантію, и давалъ пиръ своей дружинѣ. По окончаніи пира опять возвращался на лугъ и, сѣвъ здѣсь на трибуну, творилъ судъ и раздавалъ помѣстья.

На основаніи всего изложеннаго, мы считаемъ вѣроятнымъ, что не безъ особенныхъ обрядовъ происходило воцареніе Рюрика и ближайшихъ преемниковъ его. Если тогда преобладала стихія скандинавская,—то безъ сомнѣнія и у насъ повторялось то, чѣмъ ознаменовано было избраніе въ конунги сына Рингова; если же перевѣсъ былъ на сторонѣ славянскаго рода, то обычай Каринтовъ, по всей вѣроятности, отражался и въ постановленіи нашихъ первыхъ князей.

Святой Владиміръ равноапостольный былъ первымъ нашимъ вѣнценосцемъ (по христіанскому обряду). Это видно изъ граматы Константинопольскаго патріарха Іосафа, присланной въ 1561-мъ году Царю Іоанну Васильевичу. Въ этой граматѣ говорится: «Владиміръ, супругъ царевны Анны, сестры царя Багрянороднаго Мономаха, вѣнчанъ митрополитами Ефесскимъ и Антіохійскимъ, посланными изъ Царьграда съ дарованными регаліями». Должно замѣтить, что грамата эта составлена, во первыхъ, по желанію Іоанна IV-го—имѣть санкцію на свое вѣнчаніе (рукою митрополита Московскаго Макарія) отъ церкви греческой,—слѣдовательно когда вопросъ собственно былъ исключительно о царскомъ вѣнчаніи; во вторыхъ, составлена въ засѣданіи 36 митрополитовъ и епископовъ восточныхъ, подъ предсѣдательствомъ самого патріарха,—слѣдовательно соборно, а не частнымъ какимъ нибудь образомъ и не безъ предварительныхъ разсужденій; составлена наконецъ, от-

носительно къ извѣстію о вѣнчаніи Владиміра святого, согласно съ показаніемъ одного греческаго лѣтописца,—т. е. по одному изъ тѣхъ источниковъ, которые въ дѣлѣ древней исторіи нашего отечества признаются наилучшими. Такимъ образомъ грамата патріарха Іосафа вполнѣ заслуживаетъ нашего довѣрія. Эти замѣчанія нужны потому, что въ истинности ея иной можетъ усумниться, читая наши древніе чиновники вѣнчанія царей. Тамъ мы видимъ, что каждый разъ, какъ наступало время вѣнчаться которому либо изъ нашихъ царей,—русскій патріархъ, а послѣ него и самъ царь говорили: «отъ великаго князя Владиміра Всеволодовича Мономаха, иже превысочайшую честь, царскій вѣнецъ и діадему отъ греческаго царя Константина Мономаха воспріимъ, сего ради и Мономахъ наречеся,—вси великіе Государи Россійскіе царствія вѣнцемъ вѣнчахуся *).

Очевидно, что это вѣнчаніе Владиміра Мономаха нельзя смѣшивать съ вѣнчаніемъ Владиміра святого, потому что послѣдній (супругъ царевны Анны) былъ вѣнчанъ митрополитами Ефесскимъ и Антіохійскимъ, а первый (Всеволодовичъ) Неофитомъ, митрополитомъ Ефесскимъ и архіепископами Митиленскимъ и Милетинскимъ, какъ сказано въ Степенной книгѣ. Но Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, царствовавшій между 1113 и 1125 годами, немогъ принять непосредственно регалій отъ греческаго царя, Константина Мономаха, который умеръ еще 1054 году. Современникомъ же Владиміра Мономаха на греческомъ престолѣ былъ Алексѣй Комненъ. По этому развѣ черезъ него то уже могъ Владиміръ Всеволодовичъ принять регаліи, хранившіяся у греческихъ

---

*) См. чины цар. вѣнч. въ собр. государ. грам. ч. II и III и въ III т. Библ. Росс.

царей отъ Константина Мономаха и, можетъ быть, извѣстныя подъ его именемъ, какъ у насъ теперь называются тѣ регаліи регаліями Владиміра Мономаха. По этому, приведенныя нами слова чиновниковъ, конечно, нужно понимать такъ, что «великій князь, Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, принялъ вѣнецъ царскій и діадему Константина Мономаха отъ греческаго царя, т. е. Алексѣя Комнена». Или: «Владиміръ Мономахъ принялъ отъ греческаго царя (Алексѣя Комнена) вѣнецъ и діадему Константина Мономаха и пр.» Не иначе понимались эти слова и нашими предками. Авторъ Синопсиса, ссылаясь на древнія лѣтописи, говоритъ, что Алексѣй Комненъ написалъ къ Владиміру Мономаху слѣдующее письмо: «Алексѣй Комненъ, милостію Божіею православный царь Греческій великому въ державныхъ князехъ Россійскихъ, Владиміру радоватися. Понеже съ нами единыя вѣры еси, паче же и единокровенъ намъ: отъ крове бо великаго князя, Константина Мономаха, идети; сего ради не брань, но миръ и любовь подобаетъ намъ имѣти. Нашу же любовь да познаши паче, юже имамы къ твоему благородію,—се посылаю ти вѣнецъ царскій еще Константина Мономаха, отца матери твоея, и скипетръ, и діадему, и крестъ съ животворящимъ древомъ златой, гривну и прочая царская знаменія, и дары, имиже да вѣнчаютъ твое благородство посланніи отъ мене святители, яко да будеши отселѣ Боговѣнчанный царь Россійскія Земли.» *) Правда, тому толкованію, которое мы здѣсь даемъ, противорѣчатъ нѣкоторыя рукописи, видѣнныя Карамзинымъ, нашимъ знаменитымъ Исторіографомъ, въ которыхъ приписывается Константину Мономаху самое отправленіе регалій къ Владиміру Всеволодовичу; но на

*) См. Ист. госуд. Россійск. томъ II. Примѣч. 220.

свидѣтельство этихъ рукописей нельзя положиться. Объ этомъ говорится слѣдующее, въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1827 г., издаваемыхъ тогда Свиньинымъ: «Достовѣрность его опровергается: 1) хронологіей, ибо какъ могъ послать регаліи Владиміру Всеволодовичу Константинъ Мономахъ, умершій до того слишкомъ за полвѣка? 2) тѣмъ, что въ этихъ рукописяхъ представляется совѣтникомъ Константина Мономаха въ этомъ дѣлѣ патріархъ Иларій,— имя вовсе неизвѣстное въ исторіи Константинопольскихъ патріарховъ; 3) позднѣйшимъ происхожденіемъ рукописей. Карамзинъ, по этому поводу, говоритъ, что самая древняя изъ нихъ, ему извѣстная, писана въ началѣ XVI-го вѣка. Впродолженіе пяти сотъ лѣтъ преданіе легко могло исказиться, такъ что регаліи Константина Мономаха, принятыя Владиміромъ Всеволодовичемъ отъ Греческаго царя, стали считаться подаркомъ самого Константина, во преки хронологіи.—Можетъ быть страннымъ покажется, для чего еще послѣ того, какъ Владиміръ святой получилъ въ даръ царскія регаліи отъ двора Греческаго, Алексѣй Комненъ вновь даритъ такими-же регаліями внука Владимірова—Владиміра Всеволодовича? Это можно, если только нужно, объяснить такимъ предположеніемъ, что регаліи, присланныя Владиміру святому, были не столь драгоцѣнны, какъ регаліи Константина Мономаха, или же даны были только на время вѣнчанія Владиміра святого, а потомъ препровождены имъ обратно въ Константинополь; Алексѣй же Комненъ, вынужденный тѣсными обстоятельствами, и вмѣстѣ желая, какъ онъ говорилъ, паче явить любовь свою къ благородію Владиміра Всеволодовича, рѣшилъ подарить ему уже въ вѣчное владѣніе регаліи Мономаховы.

Онъ могъ разсчитывать, что этотъ подарокъ будетъ дорогъ царямъ Русскимъ, въ особенности же

Владиміру Всеволодовичу, бывшему ближайшимъ родственникомъ Константина по матери своей—дочери послѣдняго, если вѣрить сказаніямъ Грековъ.—Великіе князья русскіе, говоритъ Свиньинъ (на основаніи свидѣтельства Константина Богрянороднаго) не рѣдко черезъ пословъ своихъ требовали въ даръ отъ Грековъ царскихъ вѣнцовъ и одежды... Но Императоры Греческіе, стараясь удержать преимущество великолѣпія, уклонялись отъ требованія Россійскихъ пословъ, отзываясь тѣмъ, что вѣнцы и порфиры не могутъ быть взяты изъ Софійскаго храма, въ которомъ они хранились; обо сіи царскія украшенія сдѣланы не земными художниками, а руками самихъ ангеловъ.

Коронованіе Владиміра Мономаха происходило, какъ видно изъ Степенной книги, въ Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ. На тронѣ, хранящемся въ настоящее время въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ подъ названіемъ Мономахова, великій князь изображенъ въ барельефѣ стоящимъ на амвонѣ съ митрополитомъ, который, опираясь на свой святительскій жезлъ, возлагаетъ на главу его корону. Тамъ же,—въ другомъ барельефѣ, видно изображеніе престола, на которомъ возсѣдалъ Мономахъ, принимая дары, приносимые ему отъ Греческаго Императора.

Отвергнувъ, по причинѣ явной хронологической несообразности упомянутыхъ рукописей, одно, не имѣемъ никакого повода отвергать другое, гдѣ говорится, что «Владиміръ Мономахъ, умирая, собралъ знаменитое духовенство, бояръ, купцовъ и сказалъ имъ: да не вѣнчаютъ никого на царство послѣ моей смерти. Отечество наше раздѣлено на многія области: если будетъ царь, то удѣльные князья отъ зависти начнутъ воевать съ нимъ, и государство погибнетъ»;—и что онъ царскую утварь вручилъ шестому своему сыну Георгію, велѣлъ хранить ее, какъ душу,

или какъ зеницу ока, и передавать изъ рода въ родъ, пока Богъ воздвигнетъ царя, истиннаго Самодержца, въ государствѣ Великороссійскомъ. Этого отвергать нельзя уже потому, что въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ надъ Императорскимъ мѣстомъ есть надпись такого же содержанія, и что, въ самомъ дѣлѣ, въ нашихъ лѣтописяхъ не упоминается ни объ одномъ вѣнчаніи на царство послѣ Владиміра Мономаха, до временъ возстановленія древней самодержавной власти въ нашемъ отечествѣ. Въ этотъ промежутокъ времени, по выраженію лѣтописцевъ, народъ лишь «садилъ князей на столѣ, какъ напримѣръ Ярослава Ярославовича въ 1273 году) и водилъ ко кресту»; говорится еще о Юріѣ Долгорукомъ, котораго митрополитъ торжественно благословилъ властвовать надъ южной Россіею, и что князь стоялъ на литургіи съ покровенною главою—въ шапкѣ, или клобукѣ, украшалъ вельможъ своихъ златыми цѣпями, крестами, гривнами, жаловалъ придворныхъ въ казначеи, ключники, постельники, конюшіе;— итолько.

Теперь ясно, какъ надобно понимать слова нашихъ «чиновниковъ»: «отъ Мономаха всѣ великіе Государи Россійскіе царствія вѣнцомъ (Мономаховымъ) вѣнчахуся», т. е. не всѣ князья, даже не всѣ великіе князья, но только великіе государи Самодержавные. Съ Іоанна III-го, перваго царя Московскаго, или вѣрнѣе, со внука его, Димитрія Іоанновича, начинается преемственный рядъ чиновъ царскаго вѣнчанія и идетъ до послѣдняго царствованія— ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА, прерываясь вовсе это время только два раза: на Василіѣ Іоанновичѣ и Лжедимитріѣ, *) которыхъ чины утрачены. Всѣ эти

*) Чина Петра III-го нѣтъ, потому что онъ не короновался.

чины, числомъ до 15, по количеству содержащихся въ нихъ подробностей, дѣлятся (т. е. можно раздѣлить) на три класса. Первый классъ составляютъ два чина: вѣнчаніе внука Іоаннова Димитрія и Іоанна IV-го; второй: чины сына Іоаннова—Ѳеодора, Василія Іоанновича Шуйскаго, Михаила Ѳеодоровича и т. д. до чина Екатерины Алексѣевны, супруги Петра I-го; въ составъ третьяго класса входятъ остальные чины—отъ Екатерины I-ой до нашихъ дней. Каждый изъ этихъ классовъ содержитъ чины почти во всемъ сходные между собою, нерѣдко до буквальности.

Здѣсь мы остановимся на чинѣ вѣнчанія Димитрія Іоанновича, какъ на первомъ по порядку времени, и слѣдовательно достойномъ всѣхъ больше занять наше вниманіе.

Въ назначенный день, великій князь Иванъ Васильевичъ въ сопровожденіи всего двора, бояръ и сановниковъ, ввелъ юнаго (15-ти лѣтняго) Димитрія въ соборную церковь Успенія Божіей Матери. Въ тоже время митрополитъ всея Россіи Симонъ съ архіепископомъ Ростовскимъ (Тихономъ) и съ епископами Суздальскимъ (Нифонтомъ), Тверскимъ (Вассіаномъ), Рязанскимъ (Протасіемъ), Коломенскимъ (Авраамiемъ), Сарскимъ (Евфиміемъ) и со всѣмъ священнымъ соборомъ началъ совершать молебствіе Богоматери и Петру Чудотворцу. Среди храма возвышался амвонъ съ тремя мѣстами—для Іоанна, Димитрія и митрополита. Подлѣ него поставленъ аналой, и на немъ положены шапка Мономаха и бармы. Передъ окончаніемъ молебствія, по пропѣтіи Богородичной пѣсни «Достойно», «Трисвятой» и нѣкоторыхъ тропарей, приличествующихъ случаю, митрополитъ и великій князь сѣли по своимъ мѣстамъ, а Димитрій Іоанновичъ сталъ передъ ними на верхней ступени амвона. Черезъ нѣсколько времени Іоаннъ поднялся съ своего мѣста и сказалъ краткую

рѣчь патріарху о благословеніи его внука на царство.

«*Отче митрополитъ! Божіимъ изволеніемъ отъ прародителей нашихъ, какъ у насъ въ старину было, такъ велось и доселѣ, что отцы наши—великіе князья давали великое княжество первымъ сынамъ своимъ; я также благословилъ имъ при себѣ перваго сына своего Іоанна. Но, по волѣ Божіей, его не стало; а у него остался первый сынъ Димитрій; и я его нынѣ благословляю при себѣ и послѣ себя великимъ княжествомъ Владимірскимъ, и Московскимъ, и Новгородскимъ. И ты, отче, благослови его на великое княжество*». Митрополитъ благословилъ Димитрія и, положивъ руку на главу его, произнесъ во всеуслышаніе надъ нимъ ту молитву, которую читалъ патріархъ константинопольскій надъ греческимъ Императоромъ передъ миропомазаніемъ и которая приведена нами выше. Затѣмъ два архимандрита подали бармы—родъ ожерелья (пелерина) съ изображеніемъ лика Спасителя, Божіей Матери и нѣкоторыхъ святыхъ; митрополитъ, осѣнивъ Димитрія крестомъ, вручилъ ихъ Іоанну, который и возложилъ ихъ на грудь внука своего—Димитрія. Тогда митрополитъ читалъ про себя другую молитву, извѣстную тоже изъ обзора коронованія греческихъ Императоровъ. Архимандриты подали шапку Мономаха; Іоаннъ взялъ ее изъ рукъ митрополита и самъ надѣлъ ее на Димитрія, при словахъ первосвятителя «*Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа*». Далѣе слѣдовала эктенія и молитва Богоматери: «*о Пресвятая Госпоже, Дѣва, Богородице, Владычице!*» Въ это время великій князь и митрополитъ снова садились на свои мѣста, а архидіаконъ съ амвона возглашалъ многолѣтіе обоимъ Государямъ. Торжественное «*многая лѣта*», начинаясь въ устахъ священниковъ и діаконовъ, разносилось по всему храму. Въ это время патріархъ со всѣми сослужащими,

кланяясь царю-дѣду, привѣтствовалъ его слѣдующими словами: «*Божіею милостію радуйся и здраствуй, православный царь, великій князь, всея Россіи Самодержецъ, со внукомъ своимъ, великимъ Княземъ Димитріемъ Іоанновичемъ,—на многія лѣта!*» Потомъ, обращаясь къ Димитрію, говорилъ: «*Божіею милостію здраствуй, Господине и сыне, Димитрій Іоанновичъ съ дѣдомъ своимъ, великимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ, всей Россіи Самодержцемъ, — на многія лѣта!*» Сыновья государевы, бояре и весь народъ, присутствовавшій при коронованіи, продолжали это поздравленіе, которое было заключено слѣдующею рѣчью митрополита и царя Іоанна: «*Господине и сыне, князь Великій Димитрій! Божіимъ изволеніемъ дѣдъ твой, Великій князь, пожаловалъ тебя—благословилъ великимъ княжествомъ. Имѣй же, Господине и сыне, страхъ Божій въ сердцѣ, люби правду, и милость, и судъ правый; имѣй послушаніе къ дѣду своему, Государю, Великому Князю; имѣй попеченіе отъ всего сердца о всемъ православномъ христіанствѣ. А мы благословляемъ тебя, Господина и сына своего, и молимъ Бога о вашемъ здравіи*». Простоявъ потомъ всю литургію въ св. храмѣ Успенія и, безъ сомнѣнія, пріобщившись св. Таинъ, хотя объ этомъ въ чиновникѣ ничего не говорится, Димитрій въ вѣнцѣ и бармахъ, провожаемый всѣми дѣтьми государевыми (кромѣ Василія) и боярами, ходилъ въ соборы Архангела Михаила и Благовѣщенія — для того, чтобы воздать поклоненіе св. мощамъ, тамъ почивавшимъ, св. иконамъ и гробамъ своихъ предковъ. Какъ въ дверяхъ Успенскаго, такъ и въ дверяхъ Архангельскаго соборовъ—Димитрія, дядя его Юрій Іоанновичъ осыпалъ серебряными и золотыми деньгами.

О коронованіи Іоанна Грознаго можно сказать только то, что оно было точь въ точь такое же, какъ и сейчасъ нами описанное коронованіе Дими-

трія Іоанновича. При коронованіи Грознаго—деньгами его осыпалъ его братъ Юрій Васильевичъ и только золотыми.

— —

Переходимъ къ чинамъ втораго класса, въ которыхъ нѣкоторыя черты пополняются нѣсколькими новыми. Такъ, напримѣръ, здѣсь можно видѣть: 1) на канунѣ коронованія по всей Москвѣ было отправляемо всенощное бдѣніе, во славу живоначальной Троицы, Чудотворцевъ Московскихъ: Петра, Алексія, Іоны, Филиппа и преподобнаго Сергія. 2) Въ самый день коронованія, прежде всего, церемоніально были переносимы царскія регаліи съ казеннаго двора, гдѣ онѣ обыкновенно хранились, сперва въ грановитую, или золотую палату (при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ — въ брусяную избу, какъ написано въ чиновникѣ), потомъ въ соборъ Успенія. Честь ношенія креста, бармъ и шапки Мономаха представлялась по большей части духовнику государеву съ двумя діаконами; прочіе знаки—почетнѣйшимъ гражданскимъ сановникамъ.

Во время перенесенія былъ звонъ во всѣ колокола какъ у Ивана Великаго, такъ и въ другихъ церквахъ. Когда процессія приближалась къ храму Успенія, митрополитъ, или патріархъ, заблаговременно собравшись тамъ со всѣми священнослужителями, выходилъ изъ алтаря къ южнымъ вратамъ церкви и, принявъ съ подобающею честью:—«кажденіемъ, кропленіемъ св. водою и цѣлованіемъ *«весь царскій санъ»*, полагалъ его на двухъ или трехъ налояхъ подлѣ государева амвона, и покрывалъ драгоцѣнными наволоками (пеленами). 3) Спустя нѣсколько времени, по данной отъ первосвятителя вѣсти, что все готово къ царскому вѣнчанію, являлся въ соборъ и самъ Государь, предшествуемый духовни-

комъ, который, держа въ рукѣ крестъ, кропилъ путь царскій св. водою. При входѣ въ соборную церковь, Царь прикладывался къ св. иконамъ и принималъ благословеніе у первосвятителя. 4) Въ началѣ молебна, митрополитъ, или патріархъ, посылалъ отъ себя, съ благословеніемъ, архимандрита, игумена, двухъ ключарей и двухъ діаконовъ повѣстить православнымъ христіанамъ по всей церкви, «чтобы они стояли со страхомъ и трепетомъ, въ совершенной тишинѣ, и молились Господу Богу, и Пречистой Богородицѣ, и всѣмъ Святымъ за Государя, да совершитъ его Господь царскимъ вѣнцомъ и устроитъ его царство мирно и вѣчно, въ роды родовъ на вѣки».

5) Когда новый царь, подобно Іоанну III, но отъ собственнаго лица, высказывалъ митрополиту, или патріарху, желаніе свое вѣнчаться отъ него на царство, по примѣру предковъ своихъ, тотъ, т. е. патріархъ, или митрополитъ, въ свою очередь, изъявлялъ, почти тѣми же словами, согласіе православной церкви: «*изволеніемъ всесильнаго Бога, Отца Вседержителя, благоволеніемъ единороднаго Сына Его, Господа—Бога и Спаса нашего, Іисуса Христа, и содѣйствіемъ Св. и животворящаго Духа, волею и хотѣніемъ всемогущей Троицы, какъ у васъ въ старину было, такъ велось и до настоящаго времени, что отцы ваши, великіе Князья, давали царство и великое княжество великой Россіи первымъ сынамъ своимъ.... И отецъ твой, блаженной памяти благочестивый Царь и великій Князь, Божіею милостію Государь и Самодержецъ всей великой Россіи Н, при себѣ и послѣ себя благословилъ тебя, Богомъ дарованнаго, благороднаго, возлюбленнаго, предъ—избраннаго свыше на царство, наслѣдника своего Н, царствомъ и великимъ княжествомъ Владимірскимъ, Московскимъ, Новгородскимъ, Казанскимъ и Астраханскимъ и всѣми хоругвями ски-*

петроправленія великой Россіи; велѣлъ тебѣ поставиться, помазаться и вѣнчаться на то царство вѣнцомъ царскимъ и діадемою, т. е. святыми бармами, именоваться и титуловаться въ письмѣ Царемъ и великимъ княземъ,—отчичемъ, и дѣдичемъ, и наслѣдникомъ Русскаго царства, по древнему Вашему царскому чину; да написалъ о томъ и въ духовной своей,—съ тѣмъ, чтобы мы, о Св. Духѣ, благословили, поставили, помазали и вѣнчали тебя Господина и сына своего, Боговѣнчаннаго Царя и великаго Князя, Государя и Самодержца всей великой Россіи, царскимъ саномъ и вѣнцомъ. И вотъ, отнынѣ, Господинъ и возлюбленный сынъ святой церкви и нашего смиренія,—Богомъ возлюбленный, Богомъ почтенный и отъ Вышняго Промысла поставляемый, по благодати, данной нами отъ Св. и Животворящаго Духа, поставляешься самимъ Богомъ, и помазуешься, и вѣнчаешься царскимъ саномъ и вѣнцомъ, и нарѣкаешься Боговѣнчаннымъ Царемъ и великимъ княземъ, Божіею милостію Государемъ и Самодержцемъ всей великой Россіи! Да умножитъ Господь Богъ лѣта царствованія твоего, и положитъ на главѣ твоей вѣнецъ отъ камене честна; да подастъ тебѣ долготу дней, и вручитъ скипетръ царства въ десницу твою; да посадитъ тебя на престолѣ правды, и оградитъ всеоружіемъ Св. Духа своего; да укрѣпитъ мышцу твою, и покоритъ тебѣ всѣ языки варварскіе браннолюбивые; да внѣдритъ въ сердце твое страхъ свой и къ подданнымъ милосердіе; да соблюдетъ тебя въ непорочной вѣрѣ, и явитъ стражемъ святой своей церкви каѳолической; да судишь ты народъ свой правдою и нищихъ судомъ; да возсіяетъ во днехъ твоихъ правда и множество мира; да въ тихости твоей тихо и безмолвно поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ; да богугодно и добродѣтельно самъ ты проведешь жизнь свою, и содѣлаешься наслѣдникомъ царства небеснаго—со всѣми святыми Царями православ-

ными». 6) Вмѣстѣ съ этимъ, первосвятитель спрашивалъ Государя: *«какъ вѣруешь и исповѣдуешь, Царь и Великій князь, Отца и Сына, и Св. Духа?»* Государь отвѣчалъ: *«вѣра моя такова»* и потомъ излагалъ ее словами символа Никейскаго—Цареградскаго. 7) Преподавались знаки царскаго достоинства: сначала царь облекался въ платно *) или порфиру, потомъ ему были вручаемы въ одну руку скипетръ, въ другую держава (по терминологіи чиновъ—яблоко), а потомъ уже на литургіи возлагалась на него золотая цѣпь. 8) Порфира надѣвалась на Государя его дядькою, золотая цѣпь самимъ первосвятителемъ, послѣ пѣсни «Херувимской»,—въ царскихъ вратахъ; при врученіи скипетра и державы говорилось: *«Богомъ вѣнчанный, Богомъ дарованный и Богомъ преукрашенный, благочестивый великій Государь, Царь и великій Князь Н, всей великой, и малой, и бѣлой Россіи Самодержецъ! Пріими отъ Господа вручаемыя тебѣ державу и скипетръ къ правленію хоругвей великаго царства Россійскаго; береги и храни ихъ съ Божіею помощію, сколько силъ твоихъ станетъ!»* Государь дѣлалъ поклонъ архипастырю; послѣдній отвѣчалъ ему тѣмъ же, бралъ его за правую руку и ставилъ на царскомъ мѣстѣ. 9) Во время литургіи передъ выносомъ св. Даровъ, царя помазывали святымъ мѵромъ, и вслѣдъ затѣмъ онъ пріобщался тѣла и крови Христа Спасителя.

Прежде чѣмъ открывалась эта важнѣйшая часть таинодѣйствія, отъ амвона царскаго до царскихъ дверей дьяки казеннаго двора постилали бархатный (червчатый) коверъ съ камками, а близь самыхъ дверей—сверхъ бархата, золотую парчу, на подно-

*) Это была великолѣпнѣйшая одежда (имѣла форму кафтана) изъ бархата Кизыбашскаго или Турскаго, изъ аксамита, аталбаса или атласа, шитая золотомъ и серебромъ, съ жемчужнымъ кружевомъ вдоль полъ и по подолу, и съ запонками изъ драгоцѣнныхъ камней.

жіе Государю. Выходили изъ алтаря два архидіакона, или протодіаконъ съ архидіакономъ и, сдѣлавъ Государю поясной поклонъ, отъ лица первосвятителя говорили: «Господине святый, Царь Боговѣнчанный! Святѣйшій патріархъ N, отецъ твой, со всѣмъ священнымъ соборомъ, призываетъ тебя на помазаніе святымъ и великимъ мѵромъ, и къ причастію св. и животворящихъ Тайнъ: гряди о св. Духѣ съ миромъ!» Государь шелъ къ вратамъ царскимъ по разостланному ковру, и останавливался передъ ними на парчѣ. Архипастырь, подойдя къ нему, бралъ у архіепископовъ и епископовъ сосудъ *) со святымъ мѵромъ на золотомъ блюдѣ и трижды осѣнялъ его крестнымъ знаменіемъ; въ это время Государь снималъ съ себя вѣнецъ, и вмѣстѣ со скипетромъ и державою передавалъ или родственникамъ своимъ, или нѣкоторымъ изъ вельможъ, которые подлѣ него стояли. Первосвятитель погружалъ въ сосудъ драгоцѣнный сучецъ (прутикъ) и помазывалъ Вѣнценосца на челѣ, на ушахъ, на ноздряхъ, на устахъ, на персяхъ, на рукахъ—по обѣ стороны, произнося въ это время слова: «*печать дара Духа Святаго*», и всякій разъ отиралъ помазанныя мѣста вамбакомъ, или губкою **).

Потомъ слѣдовало причащеніе Помазанника, которое совершалось или внѣ алтаря, или же въ самомъ алтарѣ, по примѣру Императоровъ Греческихъ.

---

*) Это тотъ самый сосудъ, который присланъ былъ изъ Греціи Владиміру Мономаху съ прочими регаліями, подъ названіемъ „крабійцы сердоликовой". Изъ него и до сихъ поръ помазываются Русскіе Государи. Онъ ямшевый и оправленъ въ золото. Украшенія, особенно же финифтяная змѣя, прикрѣпленная къ крышкѣ,—подтверждаютъ преданіе, что эта „крабійца" принадлежала еще Кесарю Августу. Она хранится нынѣ въ ризницѣ Успенскаго собора.

**) „*Да не како что отъ сего на землю падетъ*". Эта губка тотчасъ послѣ того была сожигаема самимъ митрополитомъ, или патріархомъ, въ алтарѣ—„*въ сокровенномъ мѣстѣ*". Въ продолженіи 8 дней послѣ помазанія Государь, изъ уваженія къ святынѣ, не умывался и не снималъ съ себя бѣлья, которое было на немъ во время помазанія.

Вотъ такимъ образомъ вѣнчались и помазывались на царство: Ѳеодоръ Іоанновичъ (митрополитомъ Діонисіемъ), Василій Іоанновичъ Шуйскій (митрополитомъ Новгородскимъ, въ чинѣ непоименованъ), Михаилъ Ѳеодоровичъ (Казанскимъ митрополитомъ Ефремомъ), Алексѣй Михайловичъ (патріархомъ Іосифомъ), Ѳеодоръ Алексѣевичъ (патріархомъ Іоакимомъ), Петръ и Іоаннъ — Алексѣевичи (тѣмъ же патріархомъ Іоакимомъ).

Третій классъ составляютъ чины Императорскіе.

Величіе Петра и славнопествующихъ по его исполинскимъ стопамъ Самодержцевъ не могло не отразиться и въ тѣхъ обрядахъ, которыми запечатлѣвается ихъ вступленіе на прародительскій престолъ. Хотя Петръ Великій и вѣнчался еще по царски, но его глава *предзнаменовательно* показала уже недостаточность древнихъ царскихъ регалій для *Державы*, которой самъ Богъ открывалъ новый путь и болѣе блистательное значеніе въ ряду другихъ державъ.

Для вѣнчанія Петра съ братомъ его Іоанномъ по необходимости были приготовлены новые вѣнцы, по образцу шапки Мономаховой, которая, впрочемъ, какъ древность, всегда выносилась и послѣ, при вѣнчаніяхъ, въ числѣ прочихъ царственныхъ принадлежностей.

Этому обстоятельству (т. е. что были сдѣланы два вѣнца) Россія обязана тѣмъ, что нынѣ корона эта сіяетъ такими драгоцѣнностями, которымъ равныхъ немного въ цѣломъ свѣтѣ. Императорская большая корона сдѣлана при Императорѣ Павлѣ 1-омъ, она примѣрно цѣнится въ 3 мил. руб.; по одни жемчуги, украшающіе обѣ стороны средняго разрѣза, и огромный лаллъ, поддерживающій крестъ,

по красотѣ своей и величинѣ,—выше всякой цѣны. Другая меньшая корона, которая обыкновенно возлагается на Императрицу, замѣчательна по превосходной работѣ и изящной формѣ; сдѣлана ювелиромъ Дювалемъ и стоитъ около 500,000 руб. Бриллiантъ, которымъ украшается скипетръ нашихъ Императоровъ, можетъ быть сравниваемъ по своей величинѣ и красотѣ только съ солитеромъ—Регентомъ; прiобрѣтенъ въ царствованiе Екатерины II-ой отъ Лазарева; вставленъ на оконечности скипетра подъ Импер. орломъ. Сверхъ того, въ Императорскомъ вѣнчанiи число регалiй умножилось золотою цѣпью ордена Андрея Первозваннаго, государственнымъ мечемъ, государственною печатью и государственнымъ знаменемъ, или такъ называемымъ паниромъ.

Государственный мечъ. Длиною въ 1 арш. $15^1/_4$ вер., изъ которыхъ клинокъ содержитъ 1 арш. $6^1/_2$ верш., а эфесъ $8^3/_4$ вер. Первый украшенъ богатою золотою насѣчкой, а второй орлиными головами, надъ которыми и утвержденъ царскiй вѣнецъ. Въ древности этотъ мечъ сопровождалъ Государя на войну, гдѣ и служилъ знаменiемъ верховной власти; а нынѣ онъ выносится только во время коронацiи однимъ изъ первыхъ военныхъ чиновъ.

Государственная печать. Въ древности эти печати были гораздо менѣе нынѣшнихъ и ввѣрялись для храненiя особымъ чиновникамъ, которые сперва назывались печатниками, а потомъ царственныя большiя печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателями, т. е. канцлерами. Эти печати серебряныя; вокругъ герба вырѣзывается на нихъ титулъ царствующаго Императора.

Государственное знамя, или паниръ. Государственное знамя употреблялось въ древности во время походовъ царскихъ, подъ названiемъ хоругви. Оно ввѣрялось оруженосцу, или двумъ надежнѣйшимъ воеводамъ.

Это знамя сдѣлано изъ желтаго атласа и обложено кругомъ золотымъ позументомъ съ такою же бахрамою. Посрединѣ его вышитъ гербъ Русскій, а по сторонамъ гербы всѣхъ областей Россіи. Оно длиною $2^1/_2$ аршина, а шириною 2 арш., древко съ копьемъ 4 аршина.

Особенную торжественность придалъ Императорскимъ вѣнчаніямъ обычай пріобщать къ тайнодѣйствію Императрицъ, которыя раздѣляли съ Императорами ихъ славные подвиги на пользу отечества и Церкви. Этотъ обычай начался у насъ съ Петра Великаго, если только не считать вѣнчанія Марины Мнишекъ, но онъ былъ давно извѣстенъ въ Греціи, какъ это выяснилъ Петръ Великій въ своемъ манифестѣ: *«понеже всѣмъ вѣдомо есть, что во всѣхъ Христіанскихъ государствахъ непремѣнно обычай есть потентатамъ супругъ своихъ короновать, и не точію нынѣ, но и древле у православныхъ Императоровъ Греческихъ сіе многократно бывало, а именно: Императоръ Василискъ супругу свою Зиновію, Императоръ Юстиніанъ супругу свою Люпицію, Императоръ Иракліи супругу свою Мартинію, Императоръ Левъ Премудрый супругу свою Марію императорскимъ вѣнцомъ короновали,—о которыхъ здѣсь пространно изображать за потребно не разсудили.—И понеже не невѣдомо есть, что въ прошедшей двадцати единолѣтней войнѣ коль тяжкіе труды, и самый смертный страхъ отложа, собственной нашей персонѣ за отечество наше полагали, что съ помощію Божіею и окончали, что Россія такъ честнаго и прочнаго мира не видала, и во всѣхъ дѣлахъ славы такой не имѣла, въ которыхъ вышеописанныхъ нашихъ трудахъ наша любезнѣйшая супруга, Государыня Императрица Екатерина великою помощницею была, и неточію въ семъ, но и вомногихъ воинскихъ дѣйствіяхъ, отложа немощь женскую, волею съ нами присутствовала, и елико воз-*

можно вспомогала, а наипаче въ Пруткой баталіи съ Турки (гдѣ нашего войска 22,000 а Турокъ 270,000), почитай отчаянномъ времени, какъ мужески, а не женски поступала, о томъ вѣдомо всей нашей арміи, и отъ нихъ несомнѣнно всему государству. Того—ради, данною намъ отъ Бога самовластію за такія супруги нашея труды коронаціею короны почтить,—еже Богу изволившу, нынѣшнія зимы въ Москвѣ имѣетъ совершено быть. Сіе намѣреніе объявляемъ всѣмъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ, къ которымъ мы нашею Императорскою милостію благосклонны пребываемъ.»

Этотъ манифестъ Петра замѣчателенъ еще въ томъ отношеніи, что, по примѣру его, всѣ послѣдующіе наши Императоры стали заблаговременно извѣщать всѣхъ своихъ подданныхъ о предстоящей коронаціи, а вслѣдствіе этого, въ самый день коронованія, молитвы народа стали соединяться съ молитвами Помазанниковъ не только въ Москвѣ, но и по всей обширной Россіи, и, кромѣ того, въ Москву стали съѣзжаться ко времени коронаціи депутаціи отъ разныхъ городовъ Россійской имперіи.

Для посылки къ принцамъ чужестраннымъ и министрамъ Русскимъ, пребывающимъ при иноземныхъ дворахъ, и разнымъ другимъ лицамъ, со временъ Петра II на этотъ случай выбиваются медали червоннаго золота. Такъ, на примѣръ, по случаю коронаціи ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА было выбито золотыхъ медалей 1-го разбора 80 (въ 50 черв.), 2-го—180, 3-го—450 и тысячи серебряныхъ. Всѣ онѣ стоили около 600,000 руб. На медали, съ одной стороны, профильное изображеніе Государя Императора, а съ другой—эмблема съ надписью: «*Залогъ блаженства всѣхъ и каждаго*».

До Петра Великаго восторгъ вѣрноподданныхъ выражался только звономъ колоколовъ, а съ его

времени къ этому присоединилась пушечная и ружейная пальба по всѣмъ городамъ, гдѣ была артиллерія или солдаты. Все это предписывалось Императорскими указами. При Петрѣ же, вмѣсто прежнихъ однообразныхъ привѣтствій и поученій, читавшихся іерархами царямъ, Императоры стали слышать слова изъ краснорѣчивыхъ устъ Ѳеофановъ, Амвросіевъ, Платоновъ, Филаретовъ, которые искусно разнообразили свое слово, смотря по времени и обстоятельствамъ. Со времени же Петра Великаго, Преобразователя Россіи, который, «*милосердуя о своихъ подданныхъ для коронаціи великой Государыни, Императрицы Екатерины Алексѣевны*», ведется примѣръ знаменовать подобное торжество, какъ коронація, тѣми особенными милостями, которыми собирается на главу ихъ столько благословеній: разумѣемъ здѣсь не награды, которыми съ древнихъ временъ сопровождалось у насъ царское вѣнчаніе, но вѣликодушное прощеніе недоимокъ и преступленій.

Здѣсь нѣтъ никакой возможности перечислить всѣ второстепенныя церемоніи и обычаи, которыми начиналось и оканчивалось вѣнчаніе нашихъ Самодержцевъ внѣ храма. Здѣсь также нѣтъ никакой возможности описать все великолѣпіе украшеній, которыми блистали одежды участвовавшихъ при коронаціи и всѣ пути и мѣста, по которымъ шествовали Ихъ Императорскія Величества.

Поэтому мы здѣсь ограничимся указаніемъ лишь только тѣхъ особенностей, которыя замѣчаются въ самыхъ церковныхъ обрядахъ таинодѣйствія и то важнѣйшихъ.

Когда ихъ Императорскія Величества вступаютъ въ храмъ, своды его оглашаются гимномъ псалмопѣвца: «*милость и судъ воспою Тебѣ, Господи*». Въ молебнѣ читается великая эктенія съ присовокупле-

ніемъ новыхъ прошеній, приноровленныхъ къ случаю: «*о еже благословитися царскому вѣнчанію благословеніемъ Царя царствующихъ и Господа господствующихъ; о еже укрѣплену быти скипетру его десницею Вышняго; о еже помазаніемъ мѵра пріяти ему съ небесе къ правленію и правосудію силу и премудрость; о еже получити ему благопоспѣшное во всемъ и долго временное царствованіе; яко да услышитъ его Господь въ день печали, и защититъ его имя Бога Іаковля: яко да пошлетъ ему помощь отъ Святаго, и отъ Сіона заступитъ его; яко да подастъ ему Господь по сердцу его, и весь совѣтъ его исполнитъ; яко да подчиненные суды его не мздоимны и не лицепріятны сохранитъ; яко да Господь силъ всегда укрѣпляетъ оружіе его и т. д*».

Потомъ читается пророчество Исаіи, гдѣ небо, земля, горы и холмы призываются къ веселію,—ученіе апостола Павла о предержащей власти (Рим. 13. 1—7) и потомъ Евангеліе, то самое мѣсто, гдѣ самъ Іисусъ Христосъ заповѣдуетъ воздавать Кесарево Кесареви, а Божіе Богови (Мат. 22, 21).

Но всего трогательнѣе и умилительнѣе двѣ новыя молитвы, изъ которыхъ одну читаетъ самъ Помазанникъ Божій въ слухъ всего собранія, а другую первосвятитель отъ лица всей церкви, и это чтеніе происходитъ уже послѣ совершенія тайнодѣйствія. Вотъ молитва, которую читаетъ Его Императорское Величество: «*Господи Боже отцевъ, и царю царствующихъ, сотворивый вся словомъ твоимъ, и премудростію твоею устроивый человѣка, да управляетъ міръ въ преподобіи и правдѣ!. Ты избралъ мя еси царя и судію преславному Всероссійскому царству. Исповѣдую неизслѣдимое Твое о мнѣ смотрѣніе, и, благодаря, Величеству твоему поклоняются. Ты же, Владыко и Господи мой, наставн мя въ дѣлѣ, на неже послалъ мя еси, вразуми и управи мя въ великомъ служеніи*

семъ. Да будетъ со мною преспѣдящая престолу Твоему премудрость. Послию съ небесъ святыхъ Твоихъ, да разумѣю, что есть угодно предъ очима Твоима, и что есть право въ заповѣдяхъ Твоихъ. Буди сердце мое въ руку Твою, еже вся устроити къ пользѣ врученныхъ мнѣ людей и къ славѣ Твоей, яко да и въ день суда Твоего воздамъ Тебѣ слово; милостію и щедростію единороднаго Сына Твоего, съ Нимъ-же благословенъ еси, съ Пресвятымъ, и благимъ, и животворящимъ Твоимъ Духомъ, во вѣки, аминь.»

Присутствующіе, умиленные этимъ, по истинѣ трогательнымъ зрѣлищемъ, падаютъ на колѣна (исключая Императора) и изливаютъ сердца свои въ слѣдующихъ словахъ первосвятителя: «*Боже великій и дивный, неисповѣдимою благостію и богатымъ промысломъ управляяй всяческая, Его же премудрыми, но неиспытанными судьбами разнообразные предѣлы жизнь и сожительство человѣческое пріемлетъ!. Благодарнѣ исповѣдуемъ, яко не по беззаконіямъ нашимъ сотворилъ еси намъ, ниже по грѣхомъ нашимъ воздалъ еси намъ. Согрѣшихомъ, Господи, и беззаконновахомъ, и крайняго Твоего отвращенія достойни сотворихомся. Ты же, о неисчетная благостыня, милостивый и долготерпѣливый, и каяйся о злобахъ человѣческихъ, Владыко! наказавъ насъ краткимъ бывшія печали посѣщеніемъ, се изобильно исполняеши веселія и радости сердца наша, оправдая надъ нами царствовати возлобленнаго раба Твоего, БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО, САМОДЕРЖАВНѢЙШАГО ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ НАШЕГО Императора N, всея Россіи; умудри убо и наставь его не поползновенно проходити великое сіе къ Тебѣ служеніе; даруй ему разумѣти премудрость, во еже судити людемъ Твоимъ въ правду, и Твое сіе достояніе въ тишинѣ и безъ печали сохранити; покажи его врагамъ побѣдительна, злодѣемъ страшна, добрымъ милостива и благонадежна; согрѣй сердце его*

къ призрѣнію нищимъ, къ пріятію страннымъ, къ заступленію напаствуемымъ.

Подчиненные же ему правительства, управляя на путь истины и правды, и отъ лицепріятія мздоимства отражая, и вся отъ Тебѣ державѣ его врученные люди въ нелицемѣрной содержа вѣрности, сотвори его отца о чадѣхъ веселящагося, и да удивиши милости Твоя на насъ. Умножи дни живота его въ нерушимомъ здравіи и непремѣняемомъ благополучіи; даруй же во дни его и всѣмъ намъ миръ, безмолвіе и благопоспѣшество, благорастворение воздуха, земли плодоносіе, и вся къ временной и вѣчной жизни потребная. О, Премилосердый Господи нашъ, Боже щедротъ и Отче всякія утѣхи! Не отврати лица Твоего отъ насъ и не посрами насъ отъ чаянія нашего; уповающи на Тя, молимся Тебѣ, и, молящеся, на щедроты Твоя уповаемъ: Ты бо единъ вѣси, еже требуемъ, и прежде прошенія подаеши, и дарованія утверждаеши и всякое даяніе благо, и всякъ даръ совершенъ свыше сходяй отъ Тебѣ—Отца свѣтовъ.

Тебѣ слава и держава со единороднымъ Твоимъ Сыномъ, и Всесвятымъ и благимъ, и животворящимъ Твоимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь»

При вѣнчаніи нашихъ древнихъ царей, въ подобныя минуты, по выраженію чиновниковъ, «*бысть по всей соборной церкви въ народѣ веліе молчаніе и тишина, яко же никтоже дерзалъ вѣщати никакихъ глаголъ, но вси со страхомъ и трепетомъ предстояли, и благодарственную славу Богу возсылали за него—великаго Государя, Царя и великаго князя, и молили Бога о совершеніи того великаго дѣла*», а при вѣнчаніи Императоровъ даже трудно становиться описать то восторженное состояніе сердецъ, тѣ чувства благоговѣнія и любви, которыя долженъ испытывать *Русскій*, упоенный Ангельскими видѣніями помазанія нашихъ ИМПЕРАТОРОВЪ. Ни одинъ конечно изъ ближайшихъ предковъ нашихъ и современниковъ,

которые присутствовали при такомъ зрѣлищѣ, говорили послѣ того, подобно древнимъ нашимъ предкамъ, видѣвшимъ въ первый разъ греческое богослуженіе: «мы не знали, гдѣ мы стоимъ: на небѣ или на землѣ!»

«Въ нашемъ богослуженіи, дѣйствительно, есть много высокаго; но торжественнѣе этихъ минутъ *Императорскаго вѣнчанія* и неразрывно соединенной съ нимъ Божественной Евхаристіей едва ли можетъ что либо представить себѣ мысль человѣческая. Здѣсь душа наша потрясается въ одно и тоже время въ двухъ чувствительнѣйшихъ струнахъ ея—патріотизмѣ и вѣрѣ, и потрясается сильнѣйшимъ образомъ, потому что мы сильнѣе чувствуемъ божественное назначеніе Отца Отечества въ святилищѣ Господа и Отца всяческихъ и лучше постигаемъ величіе Бога Отца при видѣ живаго образа и Христа Его».

Такъ, напримѣръ, авторъ «коронаціи ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА говоритъ: «слезы теплыя, сладкія были символомъ непритворнаго умиленія всѣхъ прислушаніи молитвы Царя вѣнчаннаго... Мы видѣли, съ какимъ восторгомъ всѣ предстоящіе въ храмѣ пали на колѣна» и т. д.

Если теперь сравнить тайнодѣйствіе новозавѣтное съ ветхозавѣтномъ, то нельзя не замѣтить поразительнаго между ними сходства. Какъ тамъ, такъ и здѣсь составныя части однѣ и тѣже: муропомазаніе, вѣнчаніе и клятвенный завѣтъ предъ Господомъ, Царемъ неба и земли. Символами царскаго правленія служитъ скипетръ, знаменіемъ силы—порфира, выраженіемъ высоты начальства—престолъ.

И тамъ и здѣсь тайнодѣйствіе совершается въ мѣстахъ для народа священныхъ: чѣмъ были для Евреевъ Галгалы, Хевронъ, Масиѳа и храмъ Соломона; для Грековъ храмъ св. Софіи въ Константи-

нополѣ; то для Русскихъ храмъ св. Софіи въ Кіевѣ и соборъ Успенія Божіей Матери въ Москвѣ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь совершители тайнодѣйствія— первосвященники. При короновании участвуетъ весь народъ, въ лицѣ своихъ представителей.

Какъ царю еврейскому восклицали: *«да живетъ царь!»* такъ и царямъ Христіанскимъ:—*«многія лѣта!»*

Какъ еврейскаго царя привѣтствовали первосвященникъ, священники, вельможи и народъ поклонами и цѣлованіемъ, такъ точно привѣтствуютъ и царей христіанскихъ служители церкви и, въ лицѣ знатнѣйшихъ особъ, всѣ вѣрноподданные.

Какъ при еврейской коронаціи употреблялась священная музыка, такъ и у христіанскихъ народовъ въ день коронаціи храмы Божіи оглашаются торжественнымъ пѣніемъ, повсюду слышенъ колокольный звонъ и веселые звуки музыкальныхъ и военныхъ орудій. Однимъ словомъ во всемъ сходство поразительное, во всемъ одно начало, одна мысль, одинъ духъ; все свидѣтельствуетъ, что это одно и тоже тайнодѣйствіе.

Поэтому наши Монархи, въ указахъ о предстоящей коронаціи,—объявляютъ православному народу, что они въ этомъ тайнодѣйствіи «послѣдуютъ съ должнымъ благоговѣніемъ примѣрамъ древнихъ Царей Израильскихъ, потомъ православныхъ Греческихъ Императоровъ, такожъ благочестивыхъ предковъ своихъ, Самодержцевъ Всероссійскихъ».

Наши Вѣнценосцы свято хранятъ не только древніе обряды церковные, но заботятся даже о поддержаніи тѣхъ обычаевъ, которые соблюдались предками нашими въ священный день коронаціи въ палатахъ царскихъ. Такъ, напримѣръ, и нынѣ еще, по старинному русскому обычаю, для всѣхъ особъ женскаго пола столъ въ это время приготовляется въ особой верхней палатѣ дворца, называемой тайникомъ, откуда въ древнія времена Царицы и Царев-

ны наши, сами не будучи видимы, могли смотрѣть представленія иностранныхъ пословъ и другія церемоніи, происходившія въ Грановитой палатѣ. 2) Передъ тѣмъ, какъ должна открыться трапеза, Государь Императоръ, слѣдуя также древнему обычаю, проситъ пить, что означаетъ, чтобы присутствующія особы сѣли на свои мѣста, отдавъ поклонъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ,—а дипломатическій корпусъ, занимающій пространство между оконъ, по лѣвую сторону трона, поклонился въ знакъ поздравленія и оставилъ палату; при этомъ Государь Императоръ встаетъ съ своего трона и отвѣтствуетъ имъ тремя поклонами.

Скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ тронѣ. Этотъ тронъ есть священное наслѣдіе старины для нашихъ Монарховъ; это кресла царя Алексѣя Михайловича, извѣстныя подъ именемъ алмазныхъ, такъ какъ они украшены 876 крупными алмазами и 1223 яхонтами. Жемчугомъ унизаны два ангела, изображенные на стѣнкахъ этихъ креселъ и держащіе слѣдующую надпись на латинскомъ языкѣ, вынизанную также жемчугомъ: «могущественнѣйшему и непобѣдимѣйшему Московскому Монарху Алексѣю, на землѣ счастливо царствующему, сей тронъ, съ величайшимъ искусствомъ и тщаніемъ сдѣланный, да будетъ счастливымъ предзнаменованіемъ грядущаго въ небесахъ безконечнаго блаженства. Лѣта Христова 1659». Эти кресла поднесены въ 1660 году отъ имени торговой Армянской компаніи въ Испагани, Армяниномъ Сарадовымъ.

Вотъ на этихъ креслахъ и возсѣдаютъ Государи Императоры, а Государыни Императрицы на золотыхъ креслахъ царя Михаила Ѳеодоровича, украшенныхъ 1494 лаллами, 7306 бирюзъ, двумя большими топазами, 4 аметистами, 16 жемчужинами и 2-мъ кафинскими зернами.

Но сколь ни высоко премудрость Божія возвела ветхозавѣтное таинодѣйствіе, новозавѣтное являет-

ся еще выше, потому что къ нему присоединено все, чѣмъ только церковъ превосходитъ синагогу, евангеліе—скрижали закона, Христосъ—Моисея.

1-е Преимущество. Святая церковъ желаетъ выслушать отъ Помазанника Никейско-Цареградскій символъ—вѣры.

2) Другое важнѣйшее преимущество новозавѣтнаго тайнодѣйствія состоитъ въ томъ, что всѣ символы его, начиная съ вѣнца, осѣняются и благословляются крестомъ Спасителя, и всѣ дѣйствія, начиная съ мѵропомазанія, или совершаются въ образѣ креста, или сопровождаются крестомъ. Кстати замѣтимъ здѣсь, что при коронаціи нашихъ Императоровъ, изъ алтаря выносится крестъ, извѣстный подъ именемъ креста Константина Великаго. Этотъ крестъ былъ присланъ царю Ѳеодору Іоанновичу съ Аѳонской горы и былъ на Петрѣ Великомъ въ день славной Полтавской битвы и избавилъ его отъ смерти; такъ какъ пуля, попавъ въ край лѣваго затвора креста, надломила его нѣсколько и отскочила.

3) Но самое важнѣйшее превосходство новозавѣтнаго тайнодѣйствія передъ ветхозавѣтнымъ заключается въ таинствѣ таинствъ—въ Евхаристіи, которой царь непосредственно пріобщается послѣ помазанія: «Ибо въ семъ священнодѣйствіи Церкви, по словамъ ея знаменитаго толкователя, Царь въ алтарь вшедъ, яко на небо, самаго пріобщается небеснаго царствія Іисуса Христа, Бога нашего, и совершается истинно царь священнымъ причащеніемъ» и т. д.

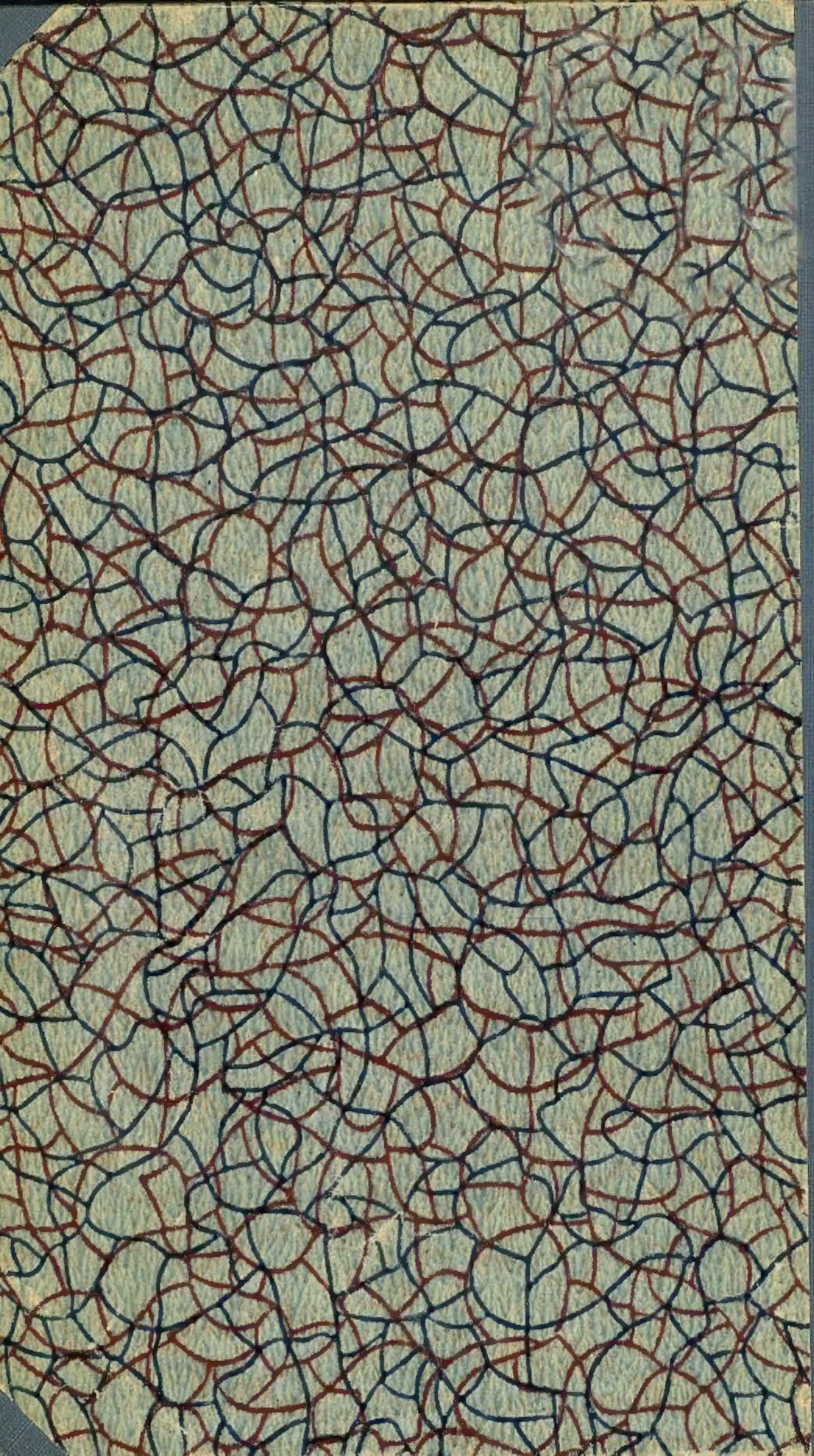
«Не будемъ умножать подобныхъ объясненій, говоритъ Катаевъ, но скажемъ вообще, этотъ великій духовный смыслъ, съ котораго мы едва подняли завѣсу, неисчерпаемъ, и тѣмъ доступнѣе всѣмъ и каждому, что православная церковъ наша сохранила царское вѣнчаніе и помазаніе чистымъ и неприкосновеннымъ отъ всякой мірской примѣси, которою

западная церковъ уронила свое тайнодѣйствіе до того, что имъ стали пренебрегать собственные ея Государи. Извѣстно, что она, отмѣнивъ чтеніе символа вѣры и другія священнѣйшія принадлежности царскаго помазанія, завѣщанныя христіанскою древностью, вмѣсто того примѣшала къ нему свѣтскіе обряды посвященія въ рыцарство, переполняя его, по духу нетерпимости, страшными клятвами противъ иновѣрцевъ и дуелистовъ, и, что всего удивительнѣе,—обставила столько же смѣшными, сколько и нечестивыми мистеріями языческими.»

Теперь понятно, почему иностранцы, которые не могутъ понять необыкновенной любви Русскихъ къ Помазаннику, смотря со стороны, сами глубоко трогаются величіемъ тайнодѣйствія нашей православной церкви, и одушевляются той же любовью, когда присутствуютъ въ Москвѣ при вѣнчаніи нашихъ Самодержцевъ.

Объ этомъ такъ говоритъ очевидецъ и авторъ коронаціи Николая I-го: «мы замѣтили, что многіе изъ представителей чужеземныхъ державъ, не понимая словъ, но умиляясь самымъ дѣйствіемъ священнѣйшаго обряда, не менѣе были тронуты. Чужестранцы искренно раздѣляли чувства Россіянъ: министры ихъ старались оныя изъявлять словесно.

Почтенный старецъ Фельдмаршалъ Графъ Стедингъ, бывшій еще въ 1777 году въ С.-Петербургѣ посломъ отъ короля Шведскаго для поздравленія Екатерины II-й съ рожденіемъ Алексадра I-го, сказалъ: «я не видалъ ничего подобнаго, хотя бывалъ на многихъ торжествахъ». Французскій посолъ графъ ла-Феронне, смотря то на народъ, то на Москву, воскликнулъ: «какой народъ! какой городъ! какой день!» —«И какой всеобщій восторгъ!» прибавилъ датскій посланникъ, графъ Блюмъ». Обращаясь къ Булгакову, французскій посланникъ еще сказалъ: «прошу

довести до свѣденія Государя Императора, что я и мои товарищи считаемъ себя несказанно счастливыми, что присутствовали при семъ великомъ торжествѣ; да будетъ царствованіе ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА столь же славно, сколько день сей былъ прекрасенъ. Да здраствуетъ Императоръ!» и всѣ министры повторяли: «да здраствуетъ Императоръ!»

А. Ж.